

Хуай Янь рывком очнулся от кошмара. Пальцы судорожно вцепились в простыни. Напрягая спину, он приподнялся на постели и жадно, хрипло задышал. Обрывки сна — точно красноглазые призраки, скрытые плотным туманом, — быстро таяли в темноте.

Он еще не успел до конца прийти в себя, когда ощутил, как тыльной стороны его ладони коснулась чья-то теплая, гладкая кожа.

Хуай Янь широко распахнул глаза. В постели кто-то был.

«Но ведь Чжу Чэньюань мертв уже три года. В моей постели никого не должно быть».

Мышцы, привыкшие к многолетним тренировкам, отреагировали мгновенно. Хуай Янь резким ударом ноги сбросил незваного гостя на пол и тут же нащупал лежащий у изголовья короткий клинок. Сталь с тихим шелестом покинула ножны, блеснув в полумраке холодным лезвием.

— Кто здесь? — негромко, но угрожающе спросил он. — Чья это дерзость — лезть в мою постель?

Из темноты донесся глухой мужской стон.

Хуай Янь дал голосовую команду включить свет. Комната мгновенно залилась ярким сиянием, заставив его прищуриться.

Первым делом он заметил тонкие руки, судорожно цепляющиеся за край матраса. Следом с пола поднялся юноша, потирая ушибленную поясницу.

На вид парню было не больше девятнадцати. Круглые, невинные глаза покраснели от слез. Он робко, испуганно косился на хозяина комнаты, но в глубине этого страха теплилось какое-то робкое предвкушение.

— Брат Янь, вы проснулись... — пролепетал он.

У Хуай Яня были удивительно красивые глаза, но сейчас, полуопущенные, со слегка приподнятыми уголками век, они излучали лишь холодную, опасную сталь.

— Ты кто такой? — процедил он. — И что делаешь в моей постели?

— Это... господин Ци прислал меня... — Юноша густо покраснел, пряча взгляд, но тут же вновь не удержался и посмотрел на Хуай Яня. — Сказал... чтобы я позаботился о вас...

Хуай Янь был невероятно, хищно красив. Черные, слегка выющиеся волосы — наследство от

матери — взмокли от недавнего кошмара. Крупная капля пота сорвалась с челки и прочертила дорожку по его лицу: миновала темные, резкие брови, скатилась по безупречной линии переносицы и замерла на бледных, упрямо сжатых губах.

Черты его лица, четкие и благородные, сейчас ожесточились, челюсти были плотно сжаты. Верхняя пуговица шелковой пижамы расстегнулась, и ворот съехал набок, обнажая крепкое плечо. Поджарое, тренированное тело не выглядело излишне массивным, но в каждом изгибе мышц угадывалась опасная сила. В ямке у ключицы блестели мелкие капли пота.

Пальцы Хуай Яня сжимали рукоять клинка так сильно, что побелели костяшки, а на тыльной стороне ладони проступили вены. Ему было тридцать — возраст, когда зрелая сдержанность смешивается с дикой, первобытной грацией.

Парень отвел взгляд от лезвия, но упускать редкий шанс явно не хотел. Набравшись смелости, он обогнул постель, опустился перед Хуай Янем на колени и потянулся к его бедрам. Заискивающе заглядывая в лицо, он беззвучно шевельнул губами и подался вперед.

Но не успел он коснуться шелка пижамы, как Хуай Янь едва заметным движением запястья упер холодное острие ему под подбородок.

— Продолжай, — вкрадчиво произнес он, — если хочешь проверить, насколько глубоко этот клинок войдет в твою шею.

Юноша замер. Холодная сталь покалывала нежную кожу; малейшее движение — и лезвие проткнет горло. Краска мгновенно сошла с его лица. Покрывшись испариной, он в ужасе отпрянул, пополз назад и с размаху налетел спиной на угол стола, скорчившись от боли.

Каким бы притягательным ни казался хозяин комнаты, теперь парень не смел даже поднять на него глаз.

Вчера его привели сюда и пообещали: если ублажишь этого господина, безбедная жизнь обеспечена. Но никто не предупредил, что его постель разделяет сам молодой господин Хуай Янь.

Тот самый безжалостный Хуай Янь из одного из трех великих кланов Подземного города. Человек, от одного слова которого содрогался весь Подземный город.

Все мечты о легком богатстве испарились без следа, уступив место липкому страху. Какое счастье, что вчера Хуай Янь вернулся смертельно пьяным, и они просто спали рядом! Парень даже не рискнул прикоснуться к его руке.

Хуай Янь опустил клинок. Значит, это выходка Ци Еяна. Его верный помощник — преданный, но непроходимо тупой, не способный просчитать последствия своих действий даже на шаг

вперед.

Набрав номер подчиненного, Хуай Янь, едва тот ответил, ледяным тоном процедил в трубку:

— Ты решил проверить мое терпение, Елян? Жить надоело?

— Брат Янь, не кипятись! — послышался в трубке виноватый голос Ци Еяна. Судя по всему, тот сразу понял, что план провалился. — Чжу... Ну, его ведь нет уже три года. Ты все это время один, как сыч. Я знаю, как тебе тяжело, но надо же как-то жить дальше... Нам больно на тебя смотреть. Мальчишка хороший, вежливый, может, ты все-таки...

— Слушай меня внимательно, — оборвал его Хуай Янь. Голос его звучал бесстрастно, но в нем крылась злобная угроза. — Это первый и последний раз. Если еще хоть одна живая душа окажется в моей спальне, я лично пушу тебя на ремни, а ошметки сброшу в Подземную реку.

Он нажал отбой и скользнул взглядом по сжавшемуся в углу юноше.

— Вон.

Тот, спотыкаясь и дрожа всем телом, подскочил на месте и бросился к выходу, даже не вспомнив про оставленную куртку. Еще секунда — и этот ледяной дьявол действительно скормит его рыбам в Подземной реке.

Дверь с грохотом захлопнулась. Напряжение покинуло тело Хуай Яня, плечи бессильно опустились. Он сполз по постели на пол, подогнул колени и устало затянулся сигаретой. Едкий, горький дым обжег легкие, помогая унять внутреннюю дрожь после кошмара.

Пальцы продолжали машинально крутить нож.

Чжу Чэньюань сделал его на заказ. Короткий, невероятно острый клинок идеально ложился в руку, а ножны украшала тончайшая деревянная резьба, выполненная его собственными руками.

В рукоять с обеих сторон были встроены два крупных сапфира. Густой, почти фиолетовый синий цвет напоминал глубины океана. Их огранили из того же камня, что предназначался для их обручальных колец. В полумраке грани вспыхивали таинственным, благородным блеском.

Чжу Чэньюань часто повторял, что только глаза Хуай Яня могут поспорить красотой с этими самоцветами.

Выпуская изо рта струйку дыма, Хуай Янь горько усмехнулся. Вспомнил перепуганного мальчишку, которого прислал Елян. Типичный пассивный партнер. Забавно, ведь в их

отношениях с Чжу Чэньюанем снизу всегда был именно он, великий и грозный молодой господин Хуай.

Но кем бы он ни был в постели, делить ее с кем-то другим он физически не мог.

Сквозь полупрозрачную пелену сизого дыма Хуай Янь опустил взгляд на свою пижаму и легонько поправил воротник кончиком лезвия.

До встречи с Чжу Чэньюанем он всегда спал обнаженным, разве что в одном белье. Ему нравилось ощущение абсолютной свободы, когда тело ничто не стесняло — только так удавалось выспаться без кошмаров.

Но после того как они сошлись, ему пришлось спешно обзавестись пижамами. Иначе Чжу Чэньюань брал его каждую ночь с таким неистовством, что наутро Хуай Янь просто не мог подняться с кровати, не говоря уже о делах клана.

Из-за этого вечно собранный, пунктуальный босс клана стал регулярно просыпаться до полудня. В глазах подчиненных он стремительно превращался из одержимого работой дельца в ленивого домоседа.

Впрочем, одежда спасала слабо. Энергия Чжу Чэньюаня казалась неиссякаемой. Он мог провести трое суток на выезде, вернуться измотанным, но все равно разложить Хуай Яня так, что тот днями не чувствовал ног. Шелковые пижамы, сшитые на заказ, трескали по швам одна за другой.

А потом Чжу Чэньюань погиб.

И больше ни одна пижама не пострадала.

Сжав зубами фильтр сигареты, Хуай Янь медленно запрокинул голову и прикрыл глаза. Сделал глубокую затяжку, позволяя горькому дыму осесть в легких. Его большой палец тем временем медленно скользил по бритвенно-острому краю лезвия.

Сталь рассекла кожу — он знал, что так будет. Он сделал это намеренно. Нож был настолько острым, что боль пришла лишь спустя пару секунд.

На пальце выступили алые капли. Почуввав тонкий металлический запах крови, Хуай Янь слегка поморщился. Горло судорожно сжалось. Пульсирующая боль поднималась от руки выше, и на его бледном лице проступило странное, почти мазохистское облегчение.

Он жаждал этой боли. Хотел, чтобы она была сильнее, острее.

Но это не помогало.

Три года. Прошло три долгих года с тех пор, как его не стало.

А Хуай Янь до сих пор отчаянно... жаждал вернуться в тот кошмар.

Сон походил на темную, бурлящую бездну, из глубин которой тянулись уродливые когтистые лапы. Они рвались наружу, силясь сомкнуться на его горле, сломать шею и разорвать плоть на мелкие куски.

— Ты хорошо подумал? Действительно хочешь развестись?

— Хуай Янь, я не дам тебе развод. Даже не думай.

— Никакие бумаги я подписывать не стану. И жить порознь мы больше не будем, когда я вернусь.

— Вот закончу дела на Подземной реке... вернусь... и тогда...

Магнитные поля Подземной реки глушили связь. Это был их последний разговор. Сигнал то и дело пропадал, но Чжу Чэньюань продолжал говорить — его хриплый, низкий голос пробивался сквозь треск и шипение помех.

Под конец связь совсем испортилась, голос Чэньюаня исказился, зазвучав сухо и жестко, словно старые ржавые петли на железных воротах. Этот скрежет больно резал слух.

Хуай Янь тогда молчал, вслушиваясь в далекий хаос. По ту сторону трубки ревела бурная вода Подземной реки, сталкивались каменные глыбы, кто-то яростно кричал и матерился. Весь этот шум превращался в искры, которые летели прямо в уши, проникали в кровь и свивались там в удушливых змей. Они стягивали его тело, жалили и выжимали остатки воздуха из самого уязвимого места в груди.

Каждый раз в этом сне ему казалось, что сердце вот-вот разорвется от удушья, и именно этот ужас заставлял его проснуться.

Но сегодня освобождение не принесло облегчения.

Кровь на пальце наконец запеклась. Хуай Янь выпрямился, вытер бумажной салфеткой лезвие ножа и прижал изрезанный палец к губам. Слизывая соленую, пахнущую железом влагу

вперемешку с горьким привкусом табака, он медленно вел языком по ране, упиваясь новой вспышкой боли.

По телу снова покатился жар. Мокрые от пота волосы неприятно липли к щекам, одежда казалась липкой и душной. Дав голосовую команду настроить температуру в душевой, он босиком зашагал в ванную комнату.

Ледяные струи ударили в макушку, но вместо того чтобы остудить, лишь сильнее разогнали кровь по венам. Возбуждение отозвалось тупой тягой внизу живота.

Порезанный палец, омытый холодной водой, заметно побледнел. Хуай Янь сжал себя этой израненной рукой.

Судорожно вздохнув, он подставил лицо под безжалостный холодный поток, перекрывающий дыхание. Из горла вырвался тихий, надрывный стон. Хуай Янь приоткрыл глаза, беззвучно шепча имя покойного мужа. Сквозь пелену ледяной воды его взгляд казался затуманенным и совершенно потерянным.

<http://bllate.org/book/20433/2105578>